

Когда Лу Ваньчэн умер от болезни, Линь Цинюй не плакал. Когда Цзян Син вернулся, он не плакал. Когда он прощался с Гу Фучжоу, Цинюй все еще не плакал. Теперь они снова встретились после долгой разлуки, и он плакал, когда его душа погрузилась в сон.

Все во сне было настолько реальным, что Цзян Син все еще чувствовал биение сердца в своей груди. Пустой и одинокий дворец, доклады императору на столе, стойкий аромат чернил и мерцающий свет ламп. Слезы Линь Цинюя падали капля за каплей, как будто ударяя его в сердце.

Он видел, как Линь Цинюй с покрасневшими глазами сдерживал слезы, но никогда не видел его таким – не хмурым, не рыдающим, просто смотрящим на него и молча плачущим.

Тело Цзян Сина пронзила сильная боль. Это было более болезненно, чем умереть от болезни, хуже отравления ядом, даже хуже, чем получить тысячу стрел, пронзающих сердце.

Ему было так больно, что хотелось плакать.

Но он не может, если он тоже заплачет, кто бы утешил Линь Цинюя. Он не мог плакать перед любимым. Это было бы совсем не круто.

Цзян Син улыбнулся, сдерживая слезы: «В чем дело, детка? Мы наконец-то увидели друг друга, почему ты плачешь? Тебе не нравится мой настоящий внешний вид?»

Линь Цинюй молча смотрел на него. Спустя долгое время он покачал головой, спрятав лицо в ладонях Цзян Сина.

Вытирая слезы Линь Цинюя чистыми и тонкими кончиками пальцев, Цзян Син сказал: «Я очень рад, что вижу тебя в моем первоначальном виде. Надеюсь, ты тоже сможешь порадоваться».

На их последней встрече он не хотел расстраивать Линь Цинюя.

Линь Цинюй понял его намерения. Также пытаясь убедить себя, он ошеломленно сказал: «Ты вернулся, потому что я скучал по тебе?»

«Верно. Разве не говорят, что то, о чем ты думаешь утром, тебе снится ночью? – Цзян Син тихо сказал: – Поскольку ты скучаешь по мне, естественно, ты увидишь сон обо мне».

... Но почему пришел не Гу Фучжоу, а ты?

Он так старался вспомнить внешность Цзян Сина, но ничего не получалось. Молодой человек перед ним такой живой – его фигура отражается в зрачках, ладони, держащие его за щеки,

теплые, каждая деталь была идеальной и правильной.

Линь Цинюй не задал этот вопрос. Пока он не спрашивал и не думал, это был обычный сон.

Линь Цинюй поднял руку и с трепетом коснулся лба молодого человека. Цзян Син взял его руку и поднес к губам, чтобы поцеловать.

Линь Цинюй тихо сказал: «Ты не сильно изменился с той встречи три года назад».

Ему, наконец, удалось вернуть Цинюю хорошее настроение. Или, скорее, Линь Цинюю удалось обмануть самого себя.

Горло Цзян Сина слегка дернулось. «Во снах люди никогда не взрослеют».

Он снова улыбнулся: «Почему? Раньше ты жаловался, что я слишком стар. Теперь ты думаешь, что я слишком молод? Не забывай, я всего на год младше тебя».

Линь Цинюй улыбнулся. Улыбка выдавала его хрупкость, но была яркой и трогательной. «Конечно же, тебе больше всего нравится твое настоящее тело».

«Конечно. Лу Ваньчэн был слишком хрупким, а Гу Фучжоу – слишком сильным и мускулистым. Ни один из них не подходит мне».

«Я запомню. – Линь Цинюй пристально посмотрел на него. – Я запомню твой первоначальный облик».

Цзян Син сказал: «Не нужно. Будет хорошо, если ты забудешь».

«Нехорошо. Это совсем нехорошо! – Линь Цинюй, который только что окончательно успокоился, внезапно снова сильно разволновался. – Я хочу помнить. Я не хочу забывать. Не дай мне забыть...»

Видя Линь Цинюя таким беспомощным, Цзян Син быстро заключил его в объятия и стал уговаривать: «Ты не забудешь. У моего малыша фотографическая память. Ты потрясающий».

«Но в прошлый раз, в прошлый раз я забыл».

Линь Цинюй прижался щекой к груди молодого человека, отчаянно сопротивляясь нахлынувшим эмоциям. Цзян Син надеялся, что Цинюй сможет немного порадоваться, что больше не будет плакать.

У Цзян Сина не было выбора, кроме как солгать ему: «Это потому, что в прошлый раз я быстро ушел. На этот раз я останусь надолго».

Линь Цинюй схватил рубашку Цзян Сина, ткань была мягче, чем любая, которую он когда-либо чувствовал раньше. Дыхание молодого человека было чистым и освежающим, и оно полностью окутало его.

Неважно, чье тело использовал Цзян Син, ему все равно. Пока внутри Цзян Син, Цинюй был уверен, что заинтересуется и влюбится. Но он не мог отрицать, что в этом мире, только настоящее лицо Цзян Сина могло поразить его с первого взгляда.

Молодой мастер Цзян вернулся в свое настоящее тело, став совершенным Цзян Сином.

Линь Цинюй спросил: «Надолго... На сколько именно?»

Цзян Син некоторое время молчал, прежде чем сказать: «У нас есть еще по крайней мере одна ночь. Достаточно, чтобы компенсировать то свидание, которое мы не закончили в прошлый раз».

Свидание в прошлый раз?..

Линь Цинюй почувствовал укол боли в сердце. «Целый день, все двенадцать шичэней. На час меньше, и это не считается днем». *

Цзян Син улыбнулся и сказал: «Значит, ты все еще помнишь».

Цинюй помнил. Конечно, он помнил. В тот день он не закончил свое свидание с Цзян Сином. Он думал, что в будущем будет гораздо больше возможностей. Думал, что у них еще много времени... Он действительно так думал.

[Примечание: Глава 83.]

«Мы подождем, пока ты не вернешься, - настаивал Линь Цинюй, пытаясь обмануть себя. - Когда ты вернешься с северо-запада, меня больше ничего не будет волновать. Я запру тебя и буду постоянно держать под присмотром. Я никуда тебя не отпущу. Каждый час или каждый день ты можешь проводить только со мной».

Цзян Син повернул голову и закрыл глаза. Когда он снова посмотрел на Линь Цинюя, то улыбнулся и сказал: «Хорошо. Но, детка, давай сначала подумаем об этом свидании. Чем бы ты хотел заняться сегодня вечером?»

Линь Цинюй уткнулся лицом в его грудь и не ответил.

Цзян Син перестал спрашивать. Иметь возможность спокойно обнимать друг друга всю эту ночь тоже было приятно.

Спустя неизвестное количество времени Линь Цинъюй оттолкнул его. Он указал на место на одежде и спросил: «Что это?»

«Хм...? – Цзян Син посмотрел вниз на свою грудь: – Это эмблема моей школы. На мне школьная форма».

«Эта школьная форма, как ты ее снимаешь?»

Цзян Син был ошеломлен. «Цинъюй?..»

Линь Цинъюй твердо сказал: «Я хочу снова пригласить тебя».

Сердце Цзян Сина так сильно трепетало, что он не мог говорить.

«Не отвергай меня снова. – Голос Линь Цинюя слегка дрожал: – Цзян Син».

В следующее мгновение перед глазами у Линь Цинюя все поплыло. Легко одетый юноша подхватил его на руки и широкими шагами направился к кровати.

Когда Линь Цинюя уложили на кровать, он вспомнил, что в зале Циньчжэн не было никакой кровати. Цзян Син объяснил: «Это сон, детка. В своем сне ты можешь иметь все, что пожелаешь».

Линь Цинъюй вообще не собирался об этом думать, он подошел ближе и поцеловал уголок рта Цзян Сина.

Этот поцелуй включил какой-то переключатель в теле молодого человека. Линь Цинъюй глубоко погрузился в кровать, их губы прижались друг к другу, а языки переплелись. Его шпильку для волос вытащили, позволяя длинным волосам рассыпаться по подушке.

Если бы Цзян Син все еще был Гу Фучжоу, в это время их длинные пряди черных волос запутались бы. Но сейчас у Цзян Сина были короткие волосы. Когда он наклонил голову для поцелуя, челка слегка закрыла глаза.

Язык Цзян Сина ни в коем случае не был маленьким.

Линь Цинъюй был одет в официальное одеяние из плотной ткани, в несколько слоев. Он поднял руку и погладил короткие волосы молодого человека, его длинные рукава соскользнули и

обнажили две тонкие алебастровые руки.

Во сне ему не было холодно.

Его одежду сняли, но Линь Цинюй ничего не мог поделать с одеждой Цзян Сина. Цзян Син научил его, как постепенно снимать ее. Наконец, он спросил: «Разве это не очень удобно? Гораздо удобнее, чем одежда Даюй».

Линь Цинюй слегка кивнул и спросил: «Ты... ты умеешь?..»

Цзян Син улыбнулся. «Угадай».

В мире сновидений стояла глубокая ночь, свечи отбрасывали тени и красные блики.

Рука беспомощно вцепилась в прозрачный занавес с бусинами, висящий вокруг кровати. Внезапно рука приложила большую силу, как будто не могла что-то вынести. Костяшки пальцев побелели, а тюлевый занавес был сорван. Нефритовые бусины рассыпались по полу, стук эхом отдавался в пустом зале.

Линь Цинюй закрыл глаза и стиснул зубы. Он не мог остановить слезы, которые текли из глаз.

Может быть, это было из-за боли или чего-то еще.

«Не плачь, малыш, – сказал Цзян Син низким голосом. – Если ты продолжишь плакать, ты заставишь меня усомниться в своих способностях, и тогда у меня пропадет желание».

«Лжец. Ты очевидно... очевидно, такой энергичный».

Цзян Син улыбнулся: «Я ничего не могу от тебя скрыть».

Линь Цинюй хотел открыть глаза, но внезапно чья-то рука закрыла ему обзор.

«Не смотри на меня, – сказал Цзян Син с придыханием, – я буду смущен».

Линь Цинюй почти задышался. Он изо всех сил старался изогнуть губы и сказал: «Я чувствую тебя в своем теле».

Цзян Син задохнулся и больше ничего не говорил. Он просто схватил руки Линь Цинюя и позволил им обвиться вокруг его плеч.

Во сне их тела не знали, что они гости, и были жадны до радости.*

И после этой бесконечной нежности их мир грез разрушится. Что еще можно оставить после?

[Примечание: Строчка их стихов китайского поэта Ли Юя (李煜). 浪淘沙 «Лантаоша» (Волна, омывающая песок). Ниже приведу его перевод.]

Успокоившись, Цзян Син лег ему на плечо и первое, что он сказал, было: «Мне жаль».

Линь Цинъюй почувствовал влагу на плечах. После такого счастья в его глазах появился намек на замешательство.

Цзян Син... плакал?

Этот человек не позволил бы плакать ему, но плакал сам.

«Цинъюй, мне очень жаль».

Цзян Син обнял его, как ребенка, который старался изо всех сил, но все равно ничего не мог сделать хорошо. Он чувствовал себя настолько обиженным, что не знал, что делать.

«Мне очень жаль...»

Линь Цинъюй спросил его: «Почему ты плачешь?»

Почему ты так отчаянно плачешь после того, как мы сделали эту самую интимную вещь?

Он хотел оттолкнуть молодого человека, создавая дистанцию между ними, чтобы увидеть, как молодой человек плачет. Но он слишком устал, и не мог двигаться. Цинъюй мог только чувствовать, как слезы молодого человека непрерывно текут, смачивая его длинные волосы.

После того как Цзян Син достаточно выплакался, он встал с него. Кроме покрасневших глаз, в выражении его лица не было ничего необычного. Он обеспокоенно спросил Линь Цинъюя: «Я все еще красив?»

Линь Цинъюй улыбнулся. «Да».

Цзян Син улыбнулся и обнял его сзади. «Ты хочешь немного поспать?»

Линь Цинъюй немедленно сказал: «Нет».

Цзян Син был рядом с ним, тихо шепча на ухо нежные слова любви. Пока в небе не появился луч света и Цзян Син не выглянул в окно. «Кажется, что время почти истекло».

Тело Линь Циньюй внезапно застыло.

Цзян Син тихо вздохнул: «Эта ночь прошла так быстро».

Линь Циньюй кое-что понял, и снова попытался сознательно игнорировать реальность, жестоко мучая себя.

«Нет. – Он крепко обнял юношу и вложил в это все свои силы. – Цзян Син, нет... не оставляй меня одного...»

Цзян Син погладил его по волосам. «Циньюй, это всего лишь сон».

«Нет... нет».

Глаза Линь Цинюя широко открылись, начиная наполняться непролитыми слезами. Его спокойная маска была сорвана, открывая неконтролируемое безумие: «Ты снова лжешь мне. Цзян Син, сколько еще раз ты собираешься мне лгать?»

Силуэт молодого человека постепенно начал расплываться. «Это в последний раз, Циньюй».

Последний.....? Это конец? Нет, он хочет остаться здесь, остаться здесь с Цзян Синем.

Цзян Син пообещал ему.

Он обещал ему!

... Цзян Син!

Линь Циньюй очнулся от сна. Был рассвет, и в зале Циньчжэн не было никого, кроме него.

Он сидел один перед столом, на котором лежали груды докладов. Свеча рядом с ним уже догорела.

Линь Циньюй тихо сидел с пустым выражением лица. Он помнил каждое слово, сказанное Цзян Синем, каждое движение, сделанное Цзян Синем. Но он не мог вспомнить лицо Цзян Сина.

Линь Циньюй медленно закрыл глаза, и слеза упала на последнее письмо, отправленное с

северо-запада.

В тот же момент, во дворце Синцин, недалеко от зала Циньчжэн, без какого-либо предупреждения крепко спящий Сяо Ли внезапно открыл глаза.

Переводчику есть что сказать:

ессо:

Сквозь бамбуковый занавес слышно,

Как стучит бесконечный дождь,

А сквозь шелковое одеяло

Холод раннего утра проник.

Позабыл я во сне на мгновенье,

Что один я в чужом краю.

Снова был я счастлив, как прежде,

Но исчез обманчивый сон.

В час вечерний стою одиноко,

Опершись на перила крыльца.

Предо мной бесконечные реки,

Беспредельные выси гор.

Как бывает легко разлучиться

И как трудно встретиться вновь!

Вдаль бегут невозвратно воды,

Цвет поблек и уходит весна,

И во всю свою ширь это небо

Между нами теперь лежит.

Перевод: Маркова В.Н.

□□□□□□□□□□

□□□□□□□□□□□□□□□□

□□□□□□□□□□

□□□□□□□□□□□□□□□□

<http://bllate.org/book/15122/1336720>